

шам)» — записал в своем труде ученик святого Ансагория монах Римберт.

Жестокий разгром, надолго отбивший у датчан охоту продолжать набеги на «Восточном Пути», не охладил, однако, горячие головы наиболее отчаянных «морских конунгов». Между 853 и 855 годами в устье Западной Двины ворвалась флотилия покорителя Парижа Рагнара Лодброга. Продвигаясь вверх по реке, викинги одно за другим разгромили ополчения девяти племенных вождей, после чего, отягощенные богатой добычей и, взыскав дань, удалились в открытое море.

В то время, когда датские викинги пробивались по «Восточному Пути» мечами и секирами, их коллеги из Швеции решали те же задачи, но совершенно иными способами. Информация, которую шведские викинги, несомненно, получали от скандинавских поселенцев, появившихся в Ладоге (Альдейгьюборг скандинавских саг) еще в 50-х годах VIII века, должна была привести их к выводу, что наилучшим способом проникновения на Восток является не военно-грабительская экспансия, а преимущественно мирное освоение системы речных путей и волоков. Впрочем, в этом не было ничего удивительного. Ремесло викинга всегда включало в себя умение исходя из обстановки мгновенно превратиться из кровожадного пирата в исполнительного служаку-наемника или мирного торговца, и столь же стремительно вернуться в прежнее состояние. Избранная тактика очень скоро дала ощутимые результаты. «Бертинские анналы» повествуют о том, что при византийском посольстве, прибывшем 17 июня 839 года в город Ингельгейм на Рейне, находились несколько человек, принадлежавших, по их словам, к «народу Рос», которые направлялись на родину из Константинополя. Незадолго до того эти люди явились в столицу Византии с миссией дружбы, по завершении которой, с дозволения императора Феофила, присоединились к обозу посольства, следовавшего к франкскому государю Людовику Благочестивому. Для возвращения они избрали путь хотя и кружной, но несравненно более безопасный, нежели тот, который они проделали ранее. Выяснившаяся в результате тщательного расследования принадлежность спутников византийцев к «народу Свеонов», навела Людовика Благочестивого, владения которого уже познали ужасы норманнских набегов, на мысль, что таинственные путешественники являются «скорее соглядателями... чем искателями дружбы»... А вот беспечность византийского императора вскоре недешево обошлась его